

ЛОКАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ

В данной работе на основе оригинальной авторской методологической схемы и данных многолетних полевых исследований анализируется сущность процессов, происходящих в сельском социуме России. Особое место отведено анализу локальной специфики формирования адаптационных стратегий сельского населения в условиях реформ. В целях целостного и последовательного изложения результатов эмпирических исследований, направленных на изучение социально-экономического развития различных сельских сообществ, а также значения локальных факторов и ресурсов адаптации, осуществляется классификация сельских поселений на основании авторской типологии адаптационных стратегий сельского населения.

Ключевые слова: социальная адаптация, локальная специфика, социальное реформирование, сельские локальные сообщества, стратегии адаптации, типология, классификация, социально-экономические практики, натурализация, теневая экономика, деструкция

Интереснейшие результаты, полученные в последние годы российскими учеными, занимающимися сельской социологией, позволяют утверждать, что в подавляющем большинстве сельских ареалов сложился новый тип социально-экономических отношений, сочетающий в себе черты натурального хозяйства и неформальной экономики, существенным образом зависящий от реди-стрибутивной политики государства, региональных и локальных акторов социальной политики.

Обширные материалы мониторинговых исследований, проводившихся авторами в 1997–2007 гг. в сельских регионах Новосибирской, Кемеровской областей, Республики Алтай, позволили разработать оригинальную типологию адаптационных стратегий сельского населения к процессам реформирования [Нечипоренко, 2008]. Хронологические рамки исследований совпадают со вторым этапом активного реформирования аграрного сектора, когда население, принужденное к этому разрушительными последствиями проводимых реформ и сокращением государственной поддержки социальной и экономической сферы села, было вынуждено проявлять инициативу «снизу», формируя своеобразные адаптационные модели, возможно, не соответствующие общей направленности рыночных преобразований, но адекватные условиям социальной среды и достаточно устойчивые,

сохраняющие с небольшими изменениями основные черты новой социально-экономической организации сельского социума.

Полученные данные позволяют лучше уяснить механизм и процесс социальной адаптации сельских сообществ, выработать оригинальный авторский подход к интерпретации процессов трансформации сельских сообществ в зависимости от факторов, продуцирующих локальную специфику социального развития сельских поселений. Для выработки конкретных форм и видов адаптации имеет значение совокупное факторное воздействие на динамику развития поселений: уровень урбанизированности территории (в том числе воздействие промышленных предприятий); близость или удаленность городских центров; наличие природно-географических ресурсов; этническая специфика, а также внутренние факторы: размеры поселения, его административный статус, структура экономики сельского сообщества (полифункционализм или моноотраслевая специализация) и т. д.

Именно сочетание вышеперечисленных факторов определяет социально-экономическую динамику развития сельских сообществ и специфику форм и способов адаптации населения к изменившимся условиям, выбор конкретной адаптационной стратегии.

Наибольший интерес представляет анализ локальной специфики адаптации сельских сообществ моноотраслевой сельскохо-

зяйственной специализации, на развитие которых незначительно влияют природно-географические факторы и воздействие урбанистической среды (близость к городу).

В данной работе рассматриваются лишь некоторые, наиболее важные аспекты локальной специфики формирования адаптационных стратегий сельских сообществ. В целях исследования соответствия социально-экономического развития сельских поселений авторской типологии адаптационных стратегий сельского населения, обследованные сельские сообщества разделены на 3 категории.

Группа «А» – сельские сообщества, основу экономики которых составляет натуральное хозяйство (причем в соответствии с авторским подходом, подобная форма хозяйства не является самостоятельной, самодостаточной системой и существует в тесном взаимодействии с крупными сельхозпредприятиями).

Группа «Б» – сообщества, в которых для адаптации населения определяющую роль играют не формальные взаимодействия (занятость в крупхозе), а неформальные практики (например, случайные и сезонные заработки селян), высок уровень «скрытой» от официальной статистики товарности личных хозяйств и промыслов. Как правило, в этих поселениях отсутствует крупное хозяйство (также может быть, что оно нерентабельно, близко к банкротству), зато наличествуют благоприятные природные и географические факторы, демографические (трудовые) ресурсы.

Группа «В» – сообщества с деструктивным типом адаптации, характеризующиеся негативными тенденциями в развитии социально-экономической и демографической сферы. Обычно в таких селах нет ресурсов и факторов, облегчающих социальную адаптацию жителей села к меняющимся условиям, отсутствует крупное хозяйство, а население характеризует высокий уровень старения.

Следует оговориться, что, конечно же, деление обследованных сообществ по вышеуказанным критериям носит достаточно условный характер, так как все три типа адаптационных стратегий являются своеобразными «идеальными моделями», на основании которых проводится анализ преобладающих форм и способов социальной адаптации сельского населения. Натураль-

ное хозяйство (личные хозяйства населения) сегодня оказывается самым важным адаптационным ресурсом жителей села, а неформальные практики и деструктивные процессы в социальной и демографической сфере дополняют эту картину.

Поэтому типологизация поселений в данной работе производится на основе формальных признаков, которые не всегда имеют безусловный характер.

Так, для отнесения поселений к первой из указанных групп «А», автором использовались такие признаки, как: а) наличие крупхоза; б) высокий уровень формальной занятости населения (уровень фактической безработицы не превышает 10 %); в) относительно высокий уровень развития личных хозяйств населения, имеющих частично товарный характер.

В поселениях, в жизни которых большое значение имеют неформальные практики (группа «Б»), совершенно иная ситуация на рынке труда. Из данных обследований 2003–2007 гг. очевидно, что уровень безработицы в таких сообществах колеблется от 29 до 15 %, превышая этот показатель по сравнению с поселениями группы «А» по этому периоду в среднем в три раза.

По формальным показателям занятости и безработицы села третьей группы «В», с ярко выраженными деструктивными тенденциями развития социальной сферы, ближе к первой группе. Однако необходимо учитывать, что занятость здесь зачастую носит внешний, формальный характер (т. е. это разновидность скрытой безработицы), так как основными работодателями являются предприятия, близкие к банкротству, а значительное число домохозяйств представлено исключительно пенсионерами.

Вообще отличительной чертой ситуации в сообществах групп «А» (с преобладающей тенденцией к натурализации экономики) и «Б» (со значительным удельным весом неформальных практик) является относительно небольшая значимость в качестве источников денежных средств пенсий и пособий.

Для поселений группы «В» к основным источникам денежных средств следует отнести социальные трансферты, в первую очередь пенсии. Причем пенсии на сегодняшний день представляют один из главных источников денежных средств в бюджете сообществ с деструктивным типом адаптации, значимость которого только воз-

растает в условиях общего старения сельской популяции. Важной чертой этого канала является также его сравнительная устойчивость.

Наиболее характерной формой адаптации всех сельских локальных сообществ к разворачивающимся в обществе процессам является переориентация трудовой активности населения на преимущественно натуральное по своему характеру личное подсобное хозяйство.

Во всех поселениях группы «А» личное хозяйство имеет практически все население, различаются, в зависимости от доступных сообществу ресурсов и трудовых, культурных традиций, профили микроэкономик личных хозяйств.

Если микроэкономика домохозяйств населения Алтая воспроизводит традиции отгонного животноводства, то в селах неживотноводческого профиля (Новосибирская, Кемеровская области) под личное хозяйство используется больше земли (посадка картофеля), наблюдается также ориентация на развитие птицеводства.

При анализе профиля и размеров хозяйств населения сообществ группы «Б» можно отметить, что зачастую микроэкономика личного подсобного хозяйства (ЛПХ) имеет ярко выраженный товарный уклон, что выражается в специализации экономической деятельности жителей. Так, очевидно, что форсированное развитие животноводства (с. Новомарьянка Тяжинского района Кемеровской области) или птицеводства (с. Новые Решеты Кочковского района Новосибирской области), расширение размеров огорода имеют рыночную подоплеку.

В группе поселений «В» (деструктивные тенденции в развитии социально-экономи-

ческой сферы) размеры и профиль личных хозяйств существенно варьируются, даже в пределах одного района. В первую очередь эти различия объясняются ресурсным фактором – в некоторых поселениях просто отсутствуют возможности для развития того или иного направления сельскохозяйственного производства, а в некоторых сельских районах у населения имеются дополнительные источники получения доходов, имеющих, как правило, неформальный характер. Например, в с. Антоново Ордынского района Новосибирской области, расположенном на окраине лесного массива, слабо развито животноводство, население ориентировано на занятие промыслами (сбор ягод, грибов), имеющими частично товарный характер.

Важным показателем динамики социально-экономических процессов в сельских локальных сообществах является товарность личных хозяйств населения. Как видно из данных, приведенных в табл. 1, в ряде поселений группы «А» ЛПХ имеет ярко выраженный товарный характер, причем прослеживается некоторый рост этого показателя в диахроническом срезе. Так как в группу «А» были изначально выделены поселения, в которых развитие ЛПХ совмещается с высоким уровнем формальной занятости и относительно успешно функционирующими крупхозами, данный эффект (товарность личных хозяйств, превышающая средние данные по обследованным районам и данные исследований других авторов) является кумулятивным результатом взаимодействия экономики личных хозяйств и крупных предприятий, облегчающих доступ жителей села к машинной технике, системам сбыта и редиистрибуции.

Таблица 1

Товарность ЛПХ. Группа поселений «А»

	Теленгит-Саргагой (Кош-Агач 01)	Тобелер (Кош-Агач 01)	Каракулдор (Улаган 02)	Михайловка (Каларасук 03)	Преображенка (Тяжин 05)	Кубитет (Тяжин 05)	Листвянка (Тяжин 05)	Ермаков-ский (Кочки 05)	Базово (НСО 07)
Товарность ЛПХ*	37	39	42	40	43	31	63	60	67

* В процентах от общего числа домохозяйств.

Анализ товарности личных хозяйств населения во второй и третьей выделенных нами группах поселений также демонстрирует высокий уровень их вовлеченности в рыночную экономику (табл. 2). Здесь действуют уже иные факторы. Жители сел данной группы, лишённые возможности формального трудоустройства, вынуждены активизировать производство сельхозпродукции в личных хозяйствах (или искать иные источники существования, как жители села Усть-Улеус Ордынского района, повышающие товарность промыслов, или жители пригородных сел (с. Новомарьинка Тяжинского района Кемеровской области), практикующие временные и сезонные приработки).

Относительный успех подобной адаптационной стратегии возможен только лишь в случае удачного совпадения ряда факторов (наличие природных ресурсов, близость рынков сбыта, благоприятная демографическая ситуация). Значительная часть производимой в секторе личных хозяйств продукции реализуется либо самостоятельно, либо через скупщиков. Крестьянские хозяйства выходят на рынок с продукцией животноводства и птицеводства, а также обеспечивают подавляющую часть товарного картофеля. Характерно, что достаточно высокий уровень товарности личных хозяйств не фиксируется данными официальной статистики, что позволяет говорить о широком включении ЛПХ в «теневые» экономические отношения.

Таким образом, комплексный анализ адаптации сельских сообществ невозможен без учета широкой вовлеченности сельских локальных сообществ в неформальные практики, основными из которых являются: а) теневая рыночная активность домохозяйств населения (проявляющаяся в «скрытой» товарности ЛПХ); б) промыслы населения и выход с продукцией промыслов на «серый» или «черный» рынок; в) вторичная «скрытая» занятость, временные, сезонные подработки, «отходничество».

Последнее мало характерно для сельских сообществ, удаленных от крупных рынков труда. Такая же ситуация складывается и с промысловой деятельностью – в большинстве сел, не обладающих соответствующими природными ресурсами, сегодня промыслы представляют собой вспомогательный вид хозяйственной деятельности – это важное

подспорье в хозяйстве, помогающее выжить, но не являющееся определяющим в структуре домохозяйств. В целом же ряде поселений моноотраслевой сельскохозяйственной специализации промыслы вообще не распространены.

Интегральным показателем успешности адаптации сельских сообществ к рыночной среде является уровень благосостояния, анализ которого предполагает обращение к понятию среднедушевых доходов. Основываясь на значении прожиточного минимума, можно условно разделить все домохозяйства на категории по уровню доходов. В соответствии с общепринятой методикой, домохозяйства, имеющие среднедушевые доходы менее $\frac{1}{2}$ прожиточного минимума (ПМ), – следует относить к крайне бедным; более половины, но менее одного прожиточного минимума – к бедным. Те, чьи доходы лежат в диапазоне от одного до двух прожиточных минимумов, могут быть классифицированы как средние по своему достатку.

Данные проведенного исследования свидетельствуют о неблагоприятной ситуации в сфере доходов населения всех обследованных локальных сообществ. Хотя оценки уровня доходов, полученные на основе ответов респондентов, неизбежно имеют тенденцию к занижению, представляется очевидным, что денежные поступления в бюджеты сельских семей находятся на чрезвычайно низкой отметке во всех группах сообществ.

Как можно видеть из данных табл. 3, ситуация с доходами сельского населения во всех сообществах группы «А» неблагоприятная, но в сообществах других групп уровень доходов, как правило, еще ниже. Подавляющая часть жителей сел группы «А» относится к бедным (в среднем около 80 %); широкое распространение имеет крайняя бедность (в группе «А» около 40 % населения, в сообществах других групп этот показатель колеблется от 60 до 100 %).

Можно было бы ожидать, что именно в селах, где наиболее высока безработица, будут и самые низкие доходы, однако наши данные показывают, что это не совсем так. Иногда даже практически полная занятость экономически активного населения не решает проблем бедности (с. Михайловка Карасукского района Новосибирской области и с. Базово Ордынского района Новосибирской области, где в первом случае около

$\frac{2}{3}$ жителей села могут быть отнесены к крайне бедным; а во втором – к бедным может быть отнесено практически все население села – 95 %). Данный факт объясняется низким уровнем зарплат и тем, что неудовлетворительное состояние дорог и удаленность сел от крупных рынков сбыта и труда не позволяют селянам развивать альтернативные источники доходов.

В сообществах первой группы около 10–15 % населения могут быть квалифицированы как среднезажиточные. В сообществах других групп данная категория либо отсутствует, либо в 2 раза меньше – 6–8 %. В целом ситуация с уровнем жизни населения по сообществам других групп более негативная (см. данные табл. 4).

Например, данные по с. Карасарт Карасукского района Новосибирской области показывают, что здесь практически все население можно отнести к крайне бедным (100 %), несмотря на некоторую товарность ЛПХ (существенно превышающую аналогичные показатели по другим селам района) и включенность населения в неформальные практики, связанные с приграничным положением села (о чем свидетельствуют данные экспертного интервьюирования). В с. Новомарьинка Тяжинского района Кемеровской области также все население находится за чертой бедности, несмотря на высокий уровень товарности ЛПХ (50 %). Таким образом, ситуация с доходами населения в дан-

ных населенных пунктах группы «Б» отличается в худшую сторону от поселений группы «А». Как следует из нашей методологической схемы, важнейшим фактором, влияющим на уровень благосостояния сельского населения, является отсутствие крупхоза в поселениях группы «Б», вследствие чего жители села лишаются не только стабильной, хотя и низкой зарплаты, но и доступа к системе сбыта и редиистрибуции. Хотя в некоторых селах группы «Б» населению удалось частично компенсировать ситуацию развитием практик неформальной занятости, скрытой от официальной статистики продажи продукции личного хозяйства и промыслов.

Еще более неблагоприятная картина складывается при анализе уровня среднедушевых доходов поселений третьей группы (табл. 5).

Несмотря на формально высокую товарность промыслов и ЛПХ в ряде поселений этой группы, в среднем $\frac{2}{3}$ населения в данных сообществах можно определить как крайне бедных, подавляющая часть населения (почти 100 %) находится за чертой бедности. Таким образом, при анализе взаимосвязи товарности ЛПХ и уровня благосостояния сельских сообществ значение имеет не факт широкой вовлеченности селян в неформально-рыночные отношения и доля домохозяйств, «встроенных» в товарно-рыночные отношения, а объемы поставляемой на рынок продукции и условия сбыта.

Таблица 2
Товарность ЛПХ. Группа поселений «Б», «В»

	Карасарт (Карасук 03)	Новомарьинка (Тяжин 05)	Новые Решеты (Кочки 05)	Усть-Улеус (НСО 07)
Товарность ЛПХ*	14	50	65	45

* В процентах от общего числа домохозяйств.

Таблица 3
Распределение населения по уровню среднедушевых доходов. Группа поселений «А»*

	Михайловка (Карасук 03)	Преображенка (Тяжин 05)	Кубитет (Тяжин 05)	Листвянка (Тяжин 05)	Ермаковский (Кочки 05)	Базово (НСО 07)
Менее $\frac{1}{2}$ ПМ	65	46	40	44	45	58
До 1 ПМ	30	32	43	48	33	37
От 1 до 2 ПМ	5	19	15	8	22	5
Свыше 2 ПМ	0	3	3	0	0	0

* В процентах от общего числа домохозяйств.

Таблица 4

Распределение населения по уровню среднедушевых доходов, %. Группа поселений «Б»

	Карасарт (Карасук 03)	Новомарьинка (Тяжин 05)	Новые Решеты (Кочки 05)	Усть-Улеус (НСО 07)
Менее ½ ПМ	100	57	41	49
До 1 ПМ	0	43	53	43
От 1 до 2 ПМ	0	0	6	6
Свыше 2 ПМ	0	0	0	2

Таблица 5

Распределение населения по уровню среднедушевых доходов, %. Группа поселений «В»

	Нижнебаян (Карасук 03)	Борисоглебка (Тяжин 05)	Ступишино (Тяжин 05)	Черновка (Кочки 05)	Жуланка (Кочки 05)	Антоново (НСО 07)
Менее ½ ПМ	95	67	78	68	53	62
До 1 ПМ	5	33	17	28	39	36
От 1 до 2 ПМ	0	0	5	4	8	2

Анализируя данные по уровню благосостояния сообществ с различными типами адаптации, необходимо также учитывать, что в социально-ролевой структуре сообществ поселений группы «В» (демонстрирующих преобладание пассивно-деструктивных форм адаптации) очень велика доля пенсионеров, которые по большей части и представляют здесь собой наиболее благополучные в плане среднедушевых доходов слои населения. Так, в с. Борисоглебка Тяжинского района и с. Антоново Ордынского района Новосибирской области именно ⅓ пенсионеров представляют относительно благополучную прослойку «просто бедных», а не крайне бедных. В остальных селах данной группы домохозяйства, представленные пенсионерами, образуют от ½ до ⅔ «просто бедных», в то время когда остальная, большая часть сообщества, относится к «крайне бедным».

Анализ локальной вариативности формирования адаптационных стратегий сельского населения показывает, что наиболее важным фактором адаптации является наличие в поселении работающего крупхоза, вокруг которого выстраиваются социальные взаимодействия, обеспечивающие жителям села более-менее приемлемый уровень жизни. Наличие крупхоза обеспечивает не только стабильные, хотя и крайне низкие доходы в виде зарплаты, доступ к бесплатным или льготным ресурсам развития личного хозяйства, технике (без использования ко-

торой невозможно развивать современное аграрное производство), но и более выгодные условия при реализации продукции ЛПХ. Не будучи, как правило, непосредственно редиистрибутивными или сбытовыми структурами, крупные сельхозпроизводители оказываются в центре этих отношений. Только учитывая реальные практики и локальную специфику формирования адаптационных стратегий сельского населения и значение тех или иных институтов современного российского сельского социума в контексте этих практик, возможно осуществление государственной социальной политики, способствующей решению насущных проблем села и эффективной адаптации сельского населения. Преодоление существующих в сельском социуме проблем заключается в обновлении структурной и экономической основы сельских сообществ, что предполагает инвестирование средств в развитие технологической и ресурсной базы крупных сельхозпроизводителей.

Список литературы

Нечипоренко О. В. Адаптационные стратегии сельских локальных сообществ: новые аспекты типологии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2008. Т. 6, вып. 2. С. 108–115.

Материал поступил в редколлегию 29.09.2008

O. V. Nechiporenko

Local Specificity of Formation of Adaptable Strategy of Rural Population in the Conditions of Reforms

This paper concern on analyze of the essence of the processes, occurring in rural society of Russia, and based on the original author's methodological scheme and long-term field research materials. The special place is given to the analysis of local specificity of formation of adaptable strategy of agricultural population in the conditions of reforms. With a view of a complete and consecutive statement of results of the empirical researches directed on studying of social and economic development of various rural communities, and also value of local factors and adaptation resources, classification of rural settlements on the basis of author's typology of adaptable strategy of agricultural population is carried out.

Keywords: social adaptation, local specificity, social reforming, rural local communities, strategy of adaptation, typology, classification, social-economic practices, naturalization, shadow economy, destruction.